

Людмила Ржевская

Я, Катя, Сашка **и дочь комбата**

Людмила Ржевская

Я, Катя, Сашка и дочь комбата

«Издательские решения»

Ржевская Л. П.

Я, Катя, Сашка и дочь комбата / Л. П. Ржевская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-935874-5

Повесть написана для друзей, земляков-дальневосточников. Два друга пограничника из Приморской тайги, на границе с Китаем влюбились в одну девушку Катю, затем друзьям и Кате по стечению обстоятельств пришлось вместе лететь в Москву на учебу, а затем отправиться на службу в Китай. Что происходило с ними и с Катей все это время, узнаете прочитав повесть. Любовь, интересная развязка «треугольника». Приключения в Пекине и всё, что случилось дальше — все это есть в книге.

ISBN 978-5-44-935874-5

© Ржевская Л. П.
© Издательские решения

Содержание

Я, Катя, Сашка и дочь комбата	6
Встреча в тайге	6
В отпуске	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Я, Катя, Сашка и дочь комбата

Людмила Петровна Ржевская

Иллюстратор Елена Миронова

© Людмила Петровна Ржевская, 2018

© Елена Миронова, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4493-5874-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Я, Катя, Сашка и дочь комбата

Повесть

*Я готов был обнять тайгу,
по которой она ходила.*

*Эту повесть посвящаю своим друзьям, землякам-
дальневосточникам.*

Встреча в тайге

В ту ночь мы с Сашкой Логиновым дежурили в километре от нашего секретного лагеря. Ночь выдалась лунной, небо всё в звездах, а на нас поверх белых полушубков еще и белые маскхалаты надеты. И со стороны выглядели как два огромных белых сугроба, движущихся по кругу. Снег был по щиколотку, мы на лыжах объезжали окрестности, устали, примостились за деревом и решили перекурить, хотя на дежурстве ночью было строго запрещено не только курить, но и разговаривать: общаться можно было только специальными знаками. Я наклонился за спичками, чтобы достать их из кармана дубленки, как услышал тихий шорох, оглянулся и увидел, как к нам крадется тигр. Я вскрикнул, Сашка оглянулся, ноги у него подкосились, и он сел прямо на лыжи. Я заорал во весь голос: «А ну пошел прочь, а то застрелю!» И вдруг вместо тигра поднимается во весь рост человек, а на нем только тигриная шкура. Сашка поднялся, вытащил из кобуры пистолет и прошептал:

– Руки вверх, а то пристрелю и разбираться не буду, кто ты есть.

– Не стреляй, я свой, поселковый китаец, я сейчас всё объясню, – негромко, но очень четко и по-русски произнес незнакомец.

Я обошел его сзади, он был без лыж, но его ноги не вязли в снегу. Я автоматом уперся ему в спину.

– Иди вперед, – прошипел я и слегка толкнул его дулом.

– Ребята, я всё объясню, – на чистом русском языке снова произнес он так же шепотом, как и мы.

– Да что тут объяснять, надо его к командиру доставить. Ясно, что шпион китайский, – граница в трех километрах.

– Я не шпион, я охотник и живу не в Китае, а здесь, в поселке. И родился здесь, в этой тайге, вся моя семья здесь, я на изюбра охочусь, а нарвался на вас. И зовут меня Михей.

– А зачем в тигриную шкуру нарядился? – спросил Сашка.

– На всякий случай. От волков – их здесь много водится, будьте сами осторожны. Волки тигров-то побаиваются, вот запахом шкуры тигриной их и отпугиваю.

– А за нами зачем полз? – спросил я.

– Да не за вами я полз, я этого изюбра уже неделю караулю, только нашел его ночлежку, а тут вы, думаю, спугнете зверя и шуму наделаете. Уже хотел в ложбинку свернуть, чтобы не заметили, но вот он обернулся и закричал, – китаец ткнул в меня пальцем.

Сашка пристально смотрел на пришельца, мне уже не терпелось отпустить этого браконьера, но Сашка вдруг спросил:

– Что делать будем? По уставу положено к командиру доставить, но тогда этому мужику крышка будет. Может, он и вправду не врет. Как проверить?

– А пусть он нам логово своего зверя покажет, не в поселок же с ним идти. Это нам тоже запрещено, – отвечал я. А китаец молчал и так пристально смотрел на нас, что нам стало как-то не по себе.

– Ладно, пусть показывает логово изюбра. Если правду сказал, отпустим, – парировал Сашка. Я с ним согласился. Если бы мы незнакомца доставили к себе в лагерь, то назад домой ему дороги уже бы не было. Наша база была засекреченной, она находилась в трех километрах от китайской границы и в шести километрах от ближайшего поселка, где жили русские, китайцы, корейцы и бог знает кто еще. Никто из нас нахождение специального отряда погранразведки, рассекретить не мог, иначе всему отряду снова пришлось бы перебираться на новое место, да еще зимой, а это весьма и весьма нелегкая задача. А нам бы тогда с Сашкой досталось по первое число и отсидки на губе не пару суток, а куда больше, это в лучшем случае. И мы решили охотника Михея проверить.

– Ладно, Михей, води к своему зверю, проверим, правду ты говоришь или врешь, – сказал я и подтолкнул его автоматом. Он пошел вперед, я сзади на лыжах, Сашка сбоку, а китаец скользил по снегу, словно на коньках по льду. Только зашли вглубь тайги, как наш Михей свистнул, словно собак подзывал. Мы оглянулись, а когда повернулись, китайца не было. Он словно испарился, будто провалился под землю, мы даже место ощупали руками, где он раньше стоял, но Михея не было нигде. Посмотрели даже вверх на деревья, вдруг он запрыгнул, но увидели только желтый лик смеющейся луны.

– Что теперь, Витька, делать будем? – спросил Сашка. – Расскажем кому, нам несдобровать. Точно шпики проворонили, попались, как кролики на морковку: он басни про изюбра, а мы, как два лоха, поверили. Что предлагаешь?

– Наше дежурство заканчивается через час, – отвечал я. – А может, нам с тобой всё это приснилось? На улице мороз, луна вон какая огромная, мало ли что померещиться может. Давай в первую увольнительную в поселок сходим и узнаем, живет ли там охотник Михей. Если живет, в гости зайдем, а если нет, придется молчать. А то или за сумасшедших примут, или лагерь переносить заставят. Всё плохо. Происшествий не было, всё тихо. Ты согласен, Саша?

– А куда мне деваться? Согласен или нет, ты старший, тебе и ответ держать, если что. Согласен, разумеется. Молчать так молчать.

Я был уверен, что Сашка будет молчать и никому никогда ничего не расскажет. Ему тоже не хотелось прослыть трусом среди ребят или, еще хуже, предателем интересов всего отряда. Через час нас сменила другая пара часовых, а мы спокойно захрапели в постелях.

На другой день мы у командира отпросились в поселок за продуктами. Туда мы наведывались редко под видом лесорубов, что по тайге лес валят. Им в близлежащих поселках никто не удивлялся. В магазине у продавщицы Вари я спросил:

– А скажи, Варюша, у вас тут в поселке живет китаец по имени Михей?

– Живет, куда ему деться. Сегодня вот с утра на продажу пол-изюбра притащил, ночью вчера на охоту ходил. Им вдвоем с Катькой так много мяса не надо, а поселковым радость: изюбятину поедят, он недорого продает. А вам мясо-то надо?

– Варенька, и мяса возьмем, и еще кое-чего купим. А дом этого китайца ты знаешь? Где он живет?

– Так кто ж его тут не знает, вон – от угла третий дом.

– Спасибо, дорогая, взвесь-ка нам и мяса побольше, и крупы, и макарон.

– А вам-то от Михея что надо? Заболел кто из ваших? Он лекарь знатный, почитай, весь поселок лечит, да и соседи к нему едут за травами.

– Спасибо, Варюша, да друг у нас прихворал малость, травой какой лечебной у вашего Михея разжиться надо, – говорил я и посматривал на Сашку, не сболтнул бы чего.

– Это правильно, лучше травой лечиться, чем химией, – отвечала Варвара и упаковывала нам товар.

Мы с Сашкой взвалили рюкзаки на спины и пошли искать Михея.

Дом охотника нашли быстро. У калитки нас встретила огромная немецкая овчарка, она грозно зарычала и показала свои зубы, будто говоря «только попробуйте войти». Но на крыльце уже стоял китаец.

– Вы ко мне, молодежь, или к Катерине моей? – спросил он, щурясь от яркого солнца и белизны снега.

– Мы к вам, Михей, – проговорил я и осмотрел двор. Кроме овчарки чуть поодаль лежали две белые лайки и грызли кости, наверное, вчерашнего изюбра. Справа от входа росли три березки, молоденькие еще, крыльцо было чистым, и тропинка к нему очищена от снега.

– Ну, если ко мне, проходите, – усмехнулся он, подошел к калитке, буркнул что-то овчарке. Та отошла в сторонку, но продолжала за нами наблюдать. Михей завел нас в дом. Я успел заметить, что в коридоре стояла огромная бочка с водой, на кухне у плиты сутилась девушка.

– Катерина, у нас гости, – громко сказал Михей. Девушка резко обернулась, косынка сползла с ее головы, она посмотрела на нас так, будто кипятком обдала. Мы оторопели, нам стало неловко, она смотрела на нас в упор и разглядывала, словно мы инопланетяне какие или разбойники. А мы смотрели на нее и не могли вымолвить ни слова. Она была выше среднего роста, коса упала с головы и поползла по спине как уж, опустилась ниже поясницы и застыла. Раскосые черные глаза, не моргая, в упор уставились на нас, щеки у нее были измазаны сажей. Вдруг она усмехнулась и произнесла с каким-то пренебрежением:

– Это что? Твои вчерашние знакомые, да, отец?

– Они самые, – засмеялся Михей и продолжил, – они меня за китайского шпиона приняли. Эдакий молодняк, новенькие, наверно, в наших местах.

Мы с Сашкой закашлялись: вот так-так, мы молчать собрались про вчерашнюю оказию с нами, а он уже и дочке своей рассказал про встречу вчера ночью.

– Ну, что стоите, проходите к столу, свежатиной угощу, да и поговорим. Да вы разделайтесь, вон вешалка за вами. Катерина, поухаживай за гостями, табуретки подай к столу, да и сама умойся и садись с нами обедать, а то в саже вся.

Мы сняли дубленки, прошли к столу, сели на табуретки и посмотрели на Михея в упор, словно спрашивая: «Ну что же ты тайну нашу выдал?»

– Да не переживайте вы так, ребята, кроме Катки я никому ничего рассказывать не стану, да и она не из болтливых у меня. Сейчас накроет стол, жареную картошечку с мясом подаст, наливки-то вам можно или нет?

– Нет, нам алкоголь запрещен, – выдавил я и посмотрел на Сашку.

Тот молчал и только искоса поглядывал на Екатерину. А я разглядывал китайца. На вид ему было около пятидесяти лет, невысок, худощав, руки большие и жилистые, в черных волосах на голове мелькала седина, глаза черные, раскосые, как у Кати, только хитрые и смеющиеся, чисто выбрит, на лице морщин не было, только на лбу собиралась складка, когда он разговаривал. Катерина всем поставила тарелки с картошкой и мясом и положила перед нами вилки и хлеб. Честно говоря, мы были голодными и с удовольствием стали поглощать нехитрый обед. Потом пили чай.

Екатерина села рядом с отцом, прямо напротив меня. И теперь я мог ее хорошо разглядеть. Мне был тогда уже двадцать один год, а что такое любовь, я понятия не имел, а тут в моей таежной службе появляется девушка-красавица, лучше я не видел ни до, ни после нее. Я пил чай, а сам всё время поглядывал на Катю. Она не стеснялась наших взглядов, наоборот, разглядывала нас с Сашкой, как разглядывают товар на рынке. Сашка передо мной немного проигрывал. Он был блондином, у меня же были темно-русые вьющиеся волосы, красивые карие глаза, высокий лоб и припухлые губы, нос прямой, щеки без щетины. Я любил ухаживать за своим

лицом, и среди своих сослуживцев считался красавчиком. Да и воспитание мое интеллигентное бросалось в глаза. Парень – не лапоть.

Мы пообедали, стали прощаться с хозяином, и, стоя уже на пороге, я спросил:

– Скажите, Михай, а как вам вчера удалось от нас уйти?

Он засмеялся и ответил:

– А это мой секрет! Если захотите, и вас научу кое-каким приемам. В тайге без навыков нельзя. Пропасть можно. Приходите ко мне в следующий раз, как сможете, подробнее поговорим, а сегодня вам уже пора, а то моя Катерина вас глазами чуть ли не ест. Рано ей еще с парнями пашни заводить.

По дороге на базу мы шли молча. Потом вдруг Саша заговорил:

– Скажи, Вить, тебе Катя понравилась?

– Еще как понравилась! Красивая, а глаза какие, я таких вообще никогда не видел.

– А как ты думаешь, ей из нас кто понравился?

– Ну, мне-то откуда знать, это у нее надо спрашивать.

– В следующую увольнительную ты к Михею пойдешь?

– Конечно, пойду, и не только к Михею. Я Катю хочу еще увидеть.

– Я тоже хочу ее увидеть, – вздохнул Сашка, – но ты красивее, чем я, она тебя выберет, это точно.

– Да откуда тебе знать, кого она выберет. Может, она блондинов любит, а ты у нас блондин. И погоняло у тебя Блондин, и у командира ты в любимчиках ходишь, так что лыжи твои будут чаще в поселке, чем мои.

– Скажешь тоже, командир одинаково ко всем относится. У него нет любимчиков, он у нас справедливый.

За болтовней о Катерине мы дошли до своего логова, так мы называли нашу маленькую базу, рассчитанную всего на один отряд в тридцать человек. Каждый к нам в отряд попал по разному. Отбор сюда был очень строгий. Все мы проходили сначала учебу в лагере для новичков, и только после года обучения нас отправили в эту приграничную зону для специальной службы. Что это была за служба, я рассказывать не стану, скажу только, что приморская тайга на длительное время стала нашим домом. Уж ее-то километров на пятьдесят вдоль границы мы выучили наизусть: что днем, что ночью, могли безошибочно найти всё, что было необходимо. Летом было проще на дежурстве: то заросли малины найдешь, пока бродишь по тропинкам, то грибов соберешь. Сложнее зимой: черные деревья, белый снег и предательски яркая луна. Или метель, что еще хуже, вой ветра и волков до жути в душе и дрожи в коленях.

От увольнительной до увольнительной дни тянулись медленно, а ночи стали бессонными. Я всё время думал о Катерине, о ней думал и Саша Логинов. Наши кровати в казарме стояли рядом. Иногда по ночам он спрашивал меня шепотом:

– Слышь, Гренадер, – это мое погоняло в отряде за высокий рост под сто девяносто сантиметров, – как думаешь, Катя кого выберет из нас, меня или тебя?

– Откуда мне знать, Саша, по-моему, она из нас никого не выберет. Может, у нее уже кто есть из поселковых ребят, мы же с тобой в этой глухомани не одни, кроме нас есть парни.

– Ты, наверно, прав, Арбуз, у нее точно кто-то есть, иначе бы уже давно кому-то из нас предпочтение отдала.

Меня в отряде еще звали иногда Арбузом из-за моей фамилии: Виктор Арбузов – это я.

– Да спи ты уже, надоел, без тебя тошно. Думаешь, ты один по Катке сохнешь? Мне тоже знать хочется, кому она свое сердце отдаст.

Засыпали мы только к утру, расхваливая Катерину друг перед другом. И какая она хозяйка, и красавица, и с отцом на охоту ездит, и заочно в институте учится, и языки знает, не чета нам. Труднее всего нам с Сашкой было не видеть Катерину месяцами, когда она была на сессии в Уссурийске. Два раза в год она отправлялась сдавать экзамены в свой институт

на факультет иностранных языков. Учила она английский, немецкий, французский и китайский языки. Мы по сравнению с ней были недоучками: я в институт экзамены провалил, а Сашку выгнали из университета после второго курса за хулиганство.

Расскажу немного о себе. Жили мы с мамой, Еленой Арбузовой, вдвоем: когда мне было пять лет, она развелась с отцом. Мне она объясняла это так: чем жить с алкоголиком, лучше одной растить сына. Работала она заведующей городской библиотекой в нашем небольшом городке. На ее зарплату еле концы с концами сводили, но зато читать я мог, что хотел и сколько хотел в ее библиотеке. Заберусь, бывало, в самый дальний угол за книжный шкаф, сяду на пол и читаю, читаю, пока мать не позовёт:

– Витя, ты где там? Закрываемся уже, домой пора. По дороге еще в магазин зайти надо.

Я нехотя выползал из своего укрытия, держа в руках очередной роман про любовь и романтические страсти. И, может быть, именно книжная «любовь» отбила у меня желание знакомиться с местными девчонками и одноклассниками. Они мне все казались не такими, негодными для настоящей любви, что ли. Во всяком случае, с книгами мне было интереснее, чем с девчонками на улице. Потому и в школе, кроме литературы и русского языка, знаниями ни по одному другому предмету не блистал. О чем впоследствии сильно пожалел, когда попал в учебку: недостающие знания по математике и физике, географии и истории пришлось наверстывать уже здесь.

Однажды в нашу часть приехал майор, нам не объясняли, кто, откуда и зачем. Выстроили всех на плацу, он медленно шел около нашего строя, разглядывая каждого. Отбирал только высоких и спортивных ребят, из нашей учебки он отобрал десять человек, в том числе и меня, Витьку Арбузова. Сказал, как приказал: «Все личные дела этих молодцев ко мне в кабинет». Так я из одной учебной части попал в другую учебную часть, где нас не жалели, учили по полной программе: четыре часа в день занятия спортом, еще четыре – военные науки, вечером китайский язык. Для чего нам знать китайский язык, нам не объясняли, лишь через полгода учебы всем нам объявили, что дальнейшая наша служба будет проходить на границе с Китаем, и что всем нам скоро предложат подписать контракт на пять лет службы на границе. Но это случится только через полгода. Некоторые стали роптать, мол, зачем мне это, но такие разговоры пресекались мгновенно. Наш взводный шипел: «Недовольные службой – шаг вперед!»

Никто не выходил, переводиться в стройбат желания ни у кого не было. Именно в этой учебной части мы и познакомились с Сашкой. Он тоже любил читать, занимался прилежно и часто просил у меня книги, которые мне передавала мать на свиданиях. Так мы и сдружились с ним. Потом подписали контракт на пять лет службы на границе с Китаем и вместе нас доставили в наше теперешнее логово. Хуже всего для нас обоих было то, что мы влюбились в одну девушку. Значит, третий лишний должен будет уйти, но кто им станет? Вот этот вопрос нас обоих и мучил.

В увольнительную мы старались попадать вместе, и не дай бог, что кому-то из нас увольнительной не доставалось, и предстояло к Михею и Катерине идти одному Сашке или мне. И тогда по возвращении всю ночь длился допрос, что там было и как, о чем разговаривали, что ели, как смотрела Катерина, что говорил Михей, а в душе шевелилась ревность.

Этой же зимой мы с Сашкой в увольнение пошли в поселок вдвоем и решили идти не дорогой, а лесом, чтобы незаметнее было. И каково же было наше удивление, когда навстречу нам из поселка по лыжне шли Михей и наш командир. Они о чем-то оживленно разговаривали. Мы, как по команде, с Сашкой присели и затаились за деревьями. До нас доносились только обрывки слов, из чего мы могли понять, что они говорили о Катерине. Когда они скрылись из вида, мы поднялись и посмотрели друг на друга и в один голос произнесли:

– Он что, наш соперник?

И мы что было сил поднапряглись и «пришпорили лыжи», чтобы застать Катерину дома одну, без Михея.

Катя сидела за столом перед книгами и что-то выписывала себе в тетрадь. Увидев нас в окно, она накинула шаль и вышла встречать двух «лесорубов».

– Добрый день, мальчики, проходите в дом. Отец ушел, будем сегодня обедать без него. Как всегда голодные, как волки? – она засмеялась, заулыбались и мы. Без Михея за столом мы осмелели, и я спросил:

– Катя, а где твоя мама? Почему ты живешь только с отцом?

– Мама моя русская и сбежала с русским лесорубом из нашей глуши, когда мне было всего шесть лет. Я осталась с отцом-китайцем, я ведь больше на него похожа. Она потом меня хотела забрать к себе, но я не пошла сама к ней, я очень люблю отца. Да и как бы он тут без меня жил? Он мужчина, за ним уход нужен, хозяйка в доме.

– А он не пробовал жениться еще раз? – спросил Сашка.

– Нет, вероятно, он женщинам доверять перестал, да нам и вдвоем неплохо. Весною сдам госы и на работу пойду. Ему облегчение будет. Вот тогда пусть и женится. Я еще не знаю, куда меня распределят.

– А ты уже в этом году заканчиваешь институт? – спросил я и покраснел от своего вопроса.

– Да, надеюсь что в июне получу диплом – и прощай, тайга! – засмеялась Катя, как-то очень наигранно и совсем невесело.

– А тебе хочется отсюда уезжать? – спросил Сашка.

– А кто меня будет спрашивать, хочется мне уезжать или нет? Диплом получила – и вперед, надо отрабатывать государственные деньги, что на учебу были потрачены, – заулыбалась Катя.

– И мы тебя больше не увидим здесь, в этом поселке?

– До лета, мальчики, я еще с вами тут буду, в следующий раз борща вам сварю с изюбриной. А ловко отец вас тогда в дураках оставил? – она снова засмеялась. – Да не бойтесь, всё понимаю, никому я ничего не расскажу, даже вашему командиру.

Мы с Сашкой переглянулись.

– А ты откуда знаешь, что он наш командир? – вспыхнул я.

– Мальчики, я тут всю жизнь живу, и здешнюю тайгу как свои губки знаю, к тому же я на целый год старше вас. Вы что думали: нарядились лесорубами, и я вас не раскушу? Кто вы такие, сержантики, наверно?

– А тебе что, полковники нравятся?! – вдруг закричал Сашка и привстал с табуретки.

– О господи, вот еще дурачье! Да ваш командир мне в отцы годится. Он к моему отцу ходит, дела у них есть общие, да и книги он у нас берет почитать, у нас библиотека большая, и книги редкие есть. Хотите, и вам дам почитать, что выберете?

Сашка сел и улыбнулся, у меня тоже отлегло от сердца.

– Прости, Катя, я влюбился в тебя, – вдруг выпалил Сашка.

– И я тоже, Катя, люблю тебя, – добавил я.

– Вот и пообедали. Мальчики, вы что думали, я слепая, не вижу, зачем вы постоянно ходите к Михею? Мне теперь вас обоих любить или одного выбрать? – она снова засмеялась. – Так другому же обидно будет, правда?

– Вот и ходите вдвоем, пока ходится, ответа не получите. А на борщ приглашаю, точно знаю, когда это будет. Идите сюда, я вам нашу библиотеку покажу.

И Катя открыла двери в другую комнату. Все четыре стены были заставлены самодельными полками не лучшего качества, а на них стояли книги в два ряда. Посреди комнаты стоял круглый стол, на нем старый компьютер, а рядом – ноутбук.

– Большой компьютер – это отца, а мой тот, что поменьше, – пояснила Катя. У стола стояли стулья и больше ничего. Мы с Сашкой подошли к полкам, я с деловым видом стал разглядывать книги. Столько старинных книг я не видел даже в городской маминой библиотеке.

– Катя, откуда у вас столько старинных книг?

– Это отец собирал их, а до него его родители собирали книги. Мои дедушка с бабушкой по линии отца были учеными, они оба умерли в китайской тюрьме. Их оболгали и сказали, что они работают на российскую разведку, что они шпионы. Этого не было.

Я выбрал себе одну из китайских книг, чтобы, прочитав, понять, знаю я китайский язык или нет. Сашка выбрал себе Александра Дюма, он этого француза просто обожал, уже перечитал все его романы, принялся читать по второму разу.

– Выбрали себе книги, мальчики? И идите уже, вам пора, сержантики, – Катя снова весело засмеялась и почти вытолкала нас из дома. По дороге в отряд мы долго молчали. Сказать нам друг другу с Сашкой было нечего, чувствовали себя ужасно, каждый думал про себя, что такую глупость сморозил. Разве так признаются девушке в любви? А где цветы, ресторан, шампанское, как в романах? А тут два идиота за ее столом и ее едой в любви решили признаться, да еще криком. Ну и что теперь она подумает про нас? Да, мысли были у нас невеселые. Настроение никакое. Идти в логово не хотелось, и мы с Сашкой, не сговариваясь, пошли в тайгу, чтобы развеять неважные мысли. Лыжи проваливались в снег, через несколько минут мы устали и сели на валежину. И вот тут решили поговорить.

Начал Сашка.

– Как думаешь, кто из нас третий лишний?

– Что же ты об этом у Кати не спросил?

– Да я бы спросил, да ты влез тоже со своей любовью.

– А если я ее люблю?

– И я люблю. И что теперь делать?

– Не знаю.

– Почему она нам не скажет, кто ей больше нравится, я или ты?

– А может, мы ей совсем не нравимся? С чего ты взял, что мы ей нравимся? Может, она ради отца с нами возится и угощает своей стряпней? Ладно, пошли давай, скоро темнеть начнет, а нам еще переодеваться.

В отряд мы пришли затемно и попались на глаза командиру. Он остановил нас:

– А, друзья – не разлей вода. Что-то вы зачастили в поселок, как я посмотрю. А прятались-то от меня сегодня зачем? Видел, как из-за деревьев выглядывали. К кому ходите-то?

Мы ошолбенели, Сашка как открыл рот, так и замер, я закашлялся и пробормотал:

– Так, ни к кому, просто гуляем.

– Ну, смотрите у меня. Будет хоть одна жалоба, в ледник посажу дней на пять.

Ледником у нас называлось место, куда провинившихся погранцов отправляли для отсидки наказания. Это была неотопливаемая халабуда размером три на три метра. Зимой там точно можно было заколоться, но в зиму туда еще никто не попадал.

Командир ушел, а у нас настроение совсем испортилось: ну вот, теперь и в поселок не очень-то походишь. А не дай бог, Катерина или Михей расскажут полковнику, кто к ним в гости повадился. Но в следующее наше увольнение мы опять с Сашкой были в доме у Михея. Книги принесли отдать – всё же причина наведаться. Катя нам так и не сказала, кому же все-таки она отдает предпочтение, мне или Сашке, только улыбалась и называла нас сержантиками. Мы снова набрали книг для чтения, я китайских, обучающих чтению и письму, Сашка – фантастики самых разных писателей. За чтением легче переносить неизвестность с Катериной: когда читаешь или занимаешься китайским письмом, меньше думается о другом.

Пришла весна, а затем и лето, и белые маскхалаты мы сменили на зеленые. Ребята из нашего отряда отличались: кто браконьеров китайских ловил, кто заблудившихся шпионов, а мы с Сашкой ни о чем думать не могли, все мысли были только о Кате. В конце июня мы по обычаю пришли в дом к Михею. Катерина собирала чемодан.

– А ты это куда? – в один голос с Сашкой спросили мы.

Она повернулась к нам, улыбнулась и сказала:

– Всё, мальчики, свиданиям нашим пришел конец: послезавтра я должна улетать в Москву, значит, выезжать мне надо сегодня. Вот чайку с вами попью и повезет меня отец до ближайшего вокзала.

Мы с Сашкой так и сели на табуретки, даже не сняв свои бахилы, перепачканные грязью. Не успели открыть рот, чтобы спросить, зачем это тебе лететь в Москву, как в дом вместе с Михеем зашел наш командир. Мне хотелось залезть под стол, Сашка весь побледнел, а потом всё его лицо и шея пошли красными пятнами.

Полковник окинул нас уничтожающим взглядом и произнес слова в растяжку:

– А говоришь, Михай, дочку твою в Москву сопровождать некому. Мне тоже пришел приказ откомандировать вместе с твоей Катериной смысленных бойцов, вот этих двух ухажеров и приставлю охраной к твоей Кате. Не уберегут – головы им уже в Москве снесут и не помилуют.

Мы ничего не могли понять. Катя только усмехнулась и развела руками. А Михай внимательно посмотрел на нас и спросил командира:

– Петрович, а не проворонят-то они Катюшку мою? Оба, как телята, в нее влюблены, может, кого поопытнее приставишь?

– Да, кого, Михай? Эти хотя бы грамотные, китайский немного знают, в Москве их поднаатакают. А что в Катерину влюблены, это же хорошо: охранять лучше будут и друг за другом следить, чтобы один на один с Катей кто не остался. Так и решим.

И, повернувшись к нам, полковник гаркнул:

– А ну, сержанты, быстро в отряд и собирать чемоданы, вместе с Катей в Москву полетите, на новую учебу. По дороге охранять ее пуще собственного глаза, это вам ясно?

– Так точно, товарищ командир! Есть собирать чемоданы! – в один голос ответили мы. А каждый из нас про себя подумал: «И почему опять вдвоем нас посылают, и зачем? Почему не одного меня?»

И мы рванули с Сашкой в отряд. И шли быстрым шагом, и бежали рысью, и просто шли, но шесть километров преодолели за полчаса. Собрали чемоданы еще быстрее, сели на кровати и стали думать, зачем нас отправляют из отряда вместе с Катериной в Москву. Но так ничего путного и не смогли придумать. Утром полковник забрал нас и наши личные дела, подвез на своей машине до дома Михея, высадил и на прощанье нам сказал:

– Смотрите у меня!

Вышли Михай с Катериной.

– Ну вот, Михай, вручаю тебе своих орлов. Проводил бы вас до города, да не могу отряд оставить. Теперь ты за них в ответе. В Москве их встретят, не переживай. Вот билеты на самолет, на всех троих. Так что позаботились и об этом.

Мы с Сашкой вытаращили глаза: значит, командир давно знал, что мы ходим к Михею, вернее к Катерине, и давно решил отправить нас в Москву вместе с нею. Но вот вопрос – зачем? И почему нам так ничего и не сказал, я даже матери не успел написать, что улетаю из отряда в Москву. Сам, наверное, потом родителям нашим скажет. А Сашка мне в ухо прошептал: «Специально отправляет нас из отряда от греха подальше». Я только отмахнулся от него. Я был рад, что мы летим вместе с Катериной в Москву, значит, и там я смогу ее видеть и встречаться с нею.

Но я глубоко ошибался. В Москве нас разлучили сразу по прилету, прямо в аэропорту Катерину забрали одни службы, а нас другие. Сашка возмутился:

– Мы же охрана для Екатерины!

Ему ответили:

– Без вас охрана найдется, вам в другую сторону.

Так мы с Сашкой в первый же день в Москве, не выходя из аэропорта, проворонили Катю. В машине, пока нас везли к месту новой службы, Сашка всё время шептал мне в ухо:

– Вот что мы теперь Михею скажем?

Мне тоже было и обидно, и слёзы сдавливали горло, что вот так вот сразу меня разлучили с той, в которую я был по уши влюблен.

Учеба в Москве

Поселили нас, похоже, в каком-то спортивном лагере, где тренируют спортсменов. За высоким забором, обнесённым колючей проволокой, было много спортивных площадок. Нам с Сашкой выделили комнату, точь-в-точь как в общежитиях: окно, две тумбочки у кроватей, туалет с ванной, шифоньер один на двоих и два стула у одного стола. Не успели мы поставить свои чемоданы на пол, как в комнату вошел комендант «общаги» и с порога начал нас инструктировать:

– Ну что, товарищи шпиёны, учиться приехали или за москвичами шпиёнить? Расписание ваше вон на дверях висит, не опаздывать на завтрак и ужин, никого не ждем, комнату держать в порядке, постель заправлять по-солдатски, меня звать только в самом крайнем случае, без вас работы хватает, а кличут меня Игнат Иванович, всё скумекали? Сегодня у вас выходной, можете на обед сходить, столовая вон, из окна видна, а завтра к восьми на ковер к главному, он и распорядится вами, солдатики. Ну я пошел, отдыхайте с дороги.

Он вышел и прикрыл за собой дверь. Мы с Сашкой переглянулись:

– Слушай, Вить, куда мы попали? Что за хрень такая? Школа спортивная, что ли? А чего это он нас шпионами называл?

– Думается мне, Саша, что попали мы не в спортивную школу, а в школу для подготовки разведчиков, потому нас этот дед шпионами и называл.

– Не может быть! Какие мы разведчики, лохи обычные, сержанты, даже не лейтенанты, да и что мы можем?

– Вот завтра главный нас и проверит, что мы можем. Ой, опозорим командира и отряд, а в глаза Михею и Катерине как смотреть будем? Знать бы хоть, о чем речь пойдет. Подготовились бы...

– Ага, подготовились. На чем? На кроватях, что ли? Пошли в столовку, жрать охота, может, там у кого что спросим, – причитал Сашка, развешивая свои рубашки в шифоньер.

Но в столовой не было никого. Только один официант подошел к нам и спросил:

– Новенькие? Сейчас поесть принесу, вон за тот стол садитесь. Он свободен, это будет ваше место и за завтраком, и за ужином.

Я хотел спросить: «А что, обедать тут не дают?», но Сашка меня опередил:

– А курсанты обедают где?

– Где придется, – обернувшись, ответил официант. – Меня, между прочим, Мишей зовут, а вы кто и откуда будете?

– Я Виктор, а это Александр, проще Сашка, мы с Дальнего Востока, из Приморской тайги. Там служим.

– Понятно, служили там, а теперь будете здесь тренироваться, вас натаскивать будут.

– На что натаскивать? – спросил Сашка, – и зачем?

– Не мое это дело, завтра вам всё объяснят, потом и поговорим, если захотите, конечно, судьбой поделиться.

– А что, тренировки очень сложные?

– Кому как, некоторых назад в часть отправляют, – говорил Миша, накрывая на стол.

– Вот будет позор, если и нас назад отправят, – шепотом сказал Саша.

– Точно, Сашка, позора тогда не оберемся, ребята в отряде засмеют.

Мы с Сашкой уплетали картошку с котлетами, а Миша стоял у окна и так жалостно смотрел на нас, что у меня по коже мурашки побежали. Да еще Сашка со своим нытьем:

– Вот попали, как мой дед говорил, как кур во щи.

– Да замолчи ты уже, все уши прожужжал, завтра узнаем, что к чему. Если бы мы были совсем никчемные, нас бы командир сюда не отправил. Пошли лучше расписание читать и спать. А то, может, больше и выспаться не придется.

– Ладно, молчу, злой ты какой-то стал.

– Будешь тут злой, когда держат в неизвестности. Сказали бы сразу, чего от нас хотят.

– Вот завтра тебе всё и растолкуют, – проворчал Сашка, доедая котлету.

Мы поблагодарили Мишу за очень вкусный обед, спросили, во сколько ужин.

– Вам, ребята, на ужин лучше сегодня не приходить, я вам заверну кое-что с собой, в комнате перекусите. А на завтрак придете к восьми утра, раньше пока не надо.

– А что за причина такая? – возмутился Сашка.

– Эх, блондин, со временем поймешь, – вздохнул Миша и понес грязные тарелки в мойку.

– Вот дела! – возмущался Сашка. Я молчал, под ложечкой нехорошо стало пощипывать, в детстве это был первый признак, когда я готов был заплакать.

Но заснули мы быстро: сказала усталость от дальней дороги и стресс от неизвестности.

Утром мы всё же в столовую пришли пораньше, курсанты еще завтракали, официант Миша на нас удивленно посмотрел, но ничего не сказал, только глазами показал на наш стол. За нашим столом сидели два парня, у одного был подбит глаз, у второго правая рука в гипсе, и ел он левой.

– Доброе утро и приятного аппетита, – сказал Сашка, подвинул стул к столу и сел.

Курсанты посмотрели на нас и ничего не ответили, продолжали есть. Миша подошел ко мне:

– Завтрак вы должны брать сами там у стойки. Обслуги нет и не будет, у нас самообслуживание, грязную посуду потом в мойку, она там, – он мотнул головой в сторону выхода из столовой. Я пошел за едой, Сашка следом за мной. Выходя из столовой, Сашка сказал:

– Ты видал, они здесь все покалеченные! Ну, представляю, что будет с нами!

– Хватит ныть! Достал уже, балаболка! Идем к главному, там всё и узнаем.

Кабинет начальника школы мы нашли быстро. У дверей стоял дежурный. Он проверил наши документы, сказал нам обождать, а сам зашел в кабинет. Через секунду вышел.

– Идите, вас уже ждут!

Сашка перекрестился, я последовал его примеру, и шагнули в кабинет к начальнику. Он поднял голову от бумаг, внимательно нас оглядел и сказал:

– Проходите, земляки. Приморцы, значит? Присаживайтесь.

От его теплого голоса, да еще «земляки», от сердца как-то отлегло, и я улыбнулся.

– Для начала, сизы голуби вы мои, вот эти бумажки прочитайте и подпишите, а потом разговор затеем, что да как, почему к нам попали и так далее.

Он протянул нам по два листа текста, набранных мелким шрифтом на белой бумаге. Из всего, что я прочел, понял только одно: никогда никому не рассказывать ни о чем, что будет с нами происходить здесь и потом. За разглашение государственной тайны – тюрьма или суд по законам военного времени.

Сашка дочитал, смахнул со лба пот и почему-то шепотом спросил:

– Но ведь сейчас не война?

– В кабинете нет, а за дверью война. И вы, мои сизые голуби, будете отправлены именно на войну, – улыбнулся начальник. – Ладно, ребята, не буду пугать вас раньше времени. На дверях табличку видели или не успели прочесть?

– Не успели, – ответил я.

– Зовут меня Алексей Сергеевич, я полковник, не смотрите, что без формы, здесь она не обязательна. Ко мне обращаться в самую последнюю очередь, у вас будут свои наставники. А теперь к делу. Вы очень хорошо знаете Катерину Тэн, она почти готовая разведчица. Вы

будете ее оперативниками, охранниками, няньками, короче, подспорьем, для этого мы вас потренируем немножко – и будете работать вместе с Катей: где она, там и вы. И придется вам через годик вернуться на свой Дальний Восток, а пока поживете у нас. В город выходить вам запрещается, Катерина сама вас навестит со временем. Учиться не лениться, как это у вас там в книжках написано: тяжело в учении, легко в бою. Сейчас за вами лейтенант Серегин придет, вот он ваш непосредственный начальник. От него и получите все инструкции. Да, волчат себе здоровеньких выбирайте, вам с ними работать предстоит.

– Каких волчат? – удивился Сашка.

– Самых настоящих, у вас там в тайге их полно ведь было? Так?

– Да не было у нас никаких волчат, мы даже волков и то только зимой издалека видели, – возразил Сашка.

– А теперь будут ваши личные волки, вы их с собой и привезете в свою тайгу. Ладно, идите уже, а то лейтенант вас заждался.

В коридоре действительно нас ждал лейтенант Василий Серегин.

Сразу же он повел нас знакомиться с теми, с кем мы должны будем заниматься. Привел и в школьный зверинец. Кого тут только не было: овчарки разных мастей, волки, голуби и даже попугаи.

– А попугаи-то зачем? – удивился Саша.

– Как зачем? Попугай – умная птица, память у него хорошая, подаришь такую птичку от кого кое-что узнать надо, Кеша все разговоры слушает да запоминает, а ты приходишь в гости к хозяину птицы, она тебе всё и выкладывает. Только и попугаев тренировать надо. Но вам и волчат хватит. Выбирайте, кому-то достанется он, а кому-то – она. Пара будет, так удобнее. Конечно, почему, не знаете, но ничего, скоро всё узнаете.

Сашка выбрал себе ее, а я его. Волчата были маленькие и очень забавные. Нам предстояло их приручить и выдрессировать. Раз в месяц в школу к нам приходила Катя. Она вместе с нами шла к нашим волчатам, играла с ними, что-то шептала им на ушко каждому, а потом давала им вареное мясо. За волчатами мы ухаживали, как за малыми детьми, это для нас был и отдых, и развлечение. Занятий было много: очень интенсивно учили китайский язык и английский, затем спорт, борьба, стрельба из снайперских винтовок и другого ручного оружия. Для нас настоящими праздниками были Катины посещения. Она всегда с собой приносила какие-нибудь вкусности не только волчатам, но и нам. Как-то я спросил:

– Скажи, Катя, а тебя чему учат в твоей школе?

Она засмеялась и ответила:

– Ой, мальчики, всему учат, а главное – как от хвоста уходить, шифровки правильно передавать, с нужными людьми знакомиться, не попадать в западню и многому другому.

– Кать, скажи, а тебе это надо? Жила бы себе спокойно в своей тайге с отцом, детей в школе учила, замуж вышла бы.

– Судьбу не я выбирала, Виктор, она меня выбрала. Так что послужим родине сполна. Да вы не расстраивайтесь, служба у нас будет чистой, я при нашем посольстве в Китае буду работать, а вы в охране этого посольства, ну и моими телохранителями будете по совместительству. Китайцы – они народ умный и хитрый, из-под носа утащат, не заметишь, а потом скажут «ничего не знаем, ничего не видели».

И Катя рассмеялась.

– А волчата-то нам зачем? – спросил Сашка.

– Мальчики вы мои, вы даже этого не знаете? Да нет умнее зверя, чем волк, а какая охрана, а разведчик какой! Никто не пройдет там, куда может волк забраться. А какие задания волк может выполнять, никакая овчарка на это не способна. Вы что, до сих пор не попросили для себя книги почитать про жизнь волков и их способности? Чтоб вы знали, у волка нюх самый сильный из всех животных, его обоняние никто не может превзойти. Он чувствует запах

того, кого ищет, за два-три километра от того места, где находится. Представляете, какой это поисковик в тайге? А если ты заблудился, Саша, и тебя надо разыскать, дашь волчице твой носок понюхать, и она тебя за десять километров унюхает и отыщет. Как своих малышей-то называли?

– У меня Огонек, а Сашка свою назвал Спичка, – прокомментировал я.

– Спичка и Огонек, что ни на есть шпионские имена, – и Катя снова рассмеялась, нам тоже было весело. Мы знали, что через полгода мы снова улетим к себе в Приморье. После рассказа Кати, что нам в дальнейшем предстоит работать при нашем посольстве, страхи как-то сами собой пропали. Напряжение спало, и дела наши пошли в гору. Подружились с другими курсантами, на учебу ходить стали охотнее, да и языки подтянули до нужного уровня. И волчата наши подрастали. Нам казалось, что Катю они любят больше, чем нас. Мы даже ревновать ее стали к нашим питомцам. А она только смеялась.

– Волки привыкли жить в иерархии, как люди, вот ваши подопечные и чувствуют, кто в нашей тройке главный, потому ко мне и лаастся, – она гладила волчат, совала им кусочки мяса и смеялась, поддразнивая нас. Мы так и не могли понять, кому из нас она отдает предпочтение, и перестали ревновать ее совсем. Видимо, она не наша судьба, так мы оба с Сашкой решили.

За целый год, что мы жили в Москве, в город нас на экскурсии свозили всего три раза. Автобус в воскресенье к воротам нашей школы подходил к девяти часам утра, мы успевали позавтракать, собраться и занять места у окна. Ведь раньше в Москве мы никогда не были. Обзорная экскурсия по Москве длилась три часа, в очереди в Мавзолей Ленина простояли еще три часа, всю обратную дорогу молчали. Поход в мавзолей произвел на меня гнетущее впечатление. Вторая экскурсия была по музеям столицы, а третья – в галереи, и по пути еще раз осмотрели Кремлевскую площадь и православные храмы. Но и этого было нам достаточно, чтобы восхищаться столицей нашей родины. После приморской тайги и нашего логова на тридцать человек всё увиденное казалось нам грандиозным и очень значительным. Мы с Сашкой даже позавидовали москвичам, что они каждый день могут созерцать такую красоту.

Наши волчата подрастали быстро, тренировки с ними становились всё сложнее. А на подходе были экзамены и по остальным предметам. Спать удавалось не более четырех часов в сутки. За этот год мы с Александром сильно похудели, зато накачали мышцы рук, ног, живота. Научились секретным приемам рукопашного боя, как незаметно носить второе оружие (если одно отбирают, то второе остается при тебе), а главное – приучили к себе уже повзрослевших волчат и научили их понимать не только наши слова, но даже взмах руки и взгляд. Волчата наши оказались очень способными. С Катей мы виделись всё реже, у нее тоже были экзамены и, скорее всего, посложнее наших. Ее готовили в секретные разведчицы, а нас – только в ее охрану и оперативников. Однажды Катя нам сказала при встрече:

– Мальчики, запомните навсегда: когда будем в чужой стране, и даже в нашей на людях, вы никогда не должны показывать свои знания других языков, особенно китайского, вы знаете только свой русский язык. Это надо для моей и вашей безопасности. Так проще работать, вас не будут опасаться, будут говорить при вас иногда очень нужную нам информацию, которую вы сможете потом пересказать мне. Да и проще войти в доверие, прикидываясь простачками и туповатыми охранниками.

– Мы все поняли, Катя. Нам стоит еще научиться актерской игре? – выпалил блондин.

– И не только актерской, – добавил я, – но и режиссерской. надо будет заранее режиссировать и распределять роли между игроками. А наших волчат также в игру берем?

– Скоро, ребята, вы сами увидите, что ваши волчата станут самыми преданными охранниками, спасателями и друзьями. Они выросли на ваших руках, они пара, а вы им хозяева и не только.

– А мы треугольник, – вставил Сашка свои «пять копеек». – Хотя бы ты, Катерина, уже определилась, с кем из нас ты хочешь быть не как друг, а как любимая женщина. Мы с Витькой тебя оба любим, выбрала бы уже кого-то одного.

Катя засмеялась:

– Ах, мальчики, да не могу я сейчас ни в кого влюбляться, нельзя, по штату не положено. Вот службу свою закончим, тогда и решать буду.

Она вдруг поднялась со скамьи, на которой мы все трое сидели, и поцеловала нас в щеки.

– Пока, ребята, скоро полетим домой. Там нам отпуск дадут, а потом прикомандируют к посольству в Пекине. Так что потрудитесь еще чуточку, совсем немножко осталось, а вот дома гульнем...

Она помахала нам рукой и вышла за ворота. Блондин вздохнул и сказал: «Я больше так не могу. Приедем на базу, заведу себе девчонку. Весь поселок обойду, но найду себе красотку не хуже Катерины». Я только усмехнулся и ничего не сказал Сашке.

Наша учеба в Москве подходила к концу, экзамены мы сдали все не на отлично, конечно, но на твердую четверку и еще раз заслужили поездку в Москву. На этот раз нас отвезли на концерт Олега Газманова. Мне его песни нравились, мужские такие, солидные и сам он выглядел, по моему представлению, достойно, не то, что некоторые лахудры, смотреть противно. Вернулись в школьную казарму поздно, спать не хотелось, обсуждали с Сашкой предстоящую поездку домой, а потом работу в посольстве. Было страшновато: как оно там всё сложится. Мы за границей еще ни разу не были, даже в Турции. Кроме своего Приморья, а теперь и кусочка Москвы, больше ничего не видели.

Уснули только под утро. И приснился мне сон, такой странный, будто я и Катя занимаемся любовью в каком-то дивном саду. Она меня целует, обнимает, а я хочу погладить ее волосы и не могу дотянуться до них. Я даже Сашке не стал рассказывать этот сон, было как-то не по себе: скажет еще, что только об этом я и мечтаю.

После завтрака нас к себе вызвал полковник, еще раз мы подписали бумаги, где клялись сохранять всё в тайне и ничего никогда не разглашать о том, где мы были, кто нас учил и куда направляемся на дальнейшее прохождение службы. От полковника мы пошли к своим волчатам. Они были уже в клетках и очень нервничали, увидев нас, завиляли хвостами и заскулили, как маленькие дети, которых заперли в комнате по непонятной причине. Мы успокаивали своих питомцев:

– Скоро, Огонек и Спичка, тайгу увидите, на воле погуляете, немного ждать осталось, – приговаривал я и гладил Огонька по холке.

Улетать во Владивосток мы должны были ночью. В аэропорт нас доставили за час до отлета самолета, там встретили и Катю. Но посадили нас не в пассажирский лайнер, а в грузовой.

– Так надо, – сказала Катя. – С вашими волками только и лететь на грузовом, здесь и народу поменьше, и вам спокойнее. Ваши воспитанники хоть и в клетках, зато рядом с вами им не так страшно, и вам тоже. Вот теперь мы все рядом, – вздохнула Катя, – скоро своих увидим. Я так соскучилась по отцу.

– А я по маме. Хоть и звонил ей иногда, но это не то. Обнять ее хочется. Только в разлуке понимаешь, как тебе дороги твои родители.

– А я по всем сразу, – проговорил блондин, – особенно по бабушкиным блинам. Ох, и вкусные они у нее получаются, особенно с мясом, – и облизнулся.

Катя засмеялась:

– Ничего, мальчики, дайте срок, приземлимся в своей тайге, и напеку я вам таких блинчиков, что и в сказках таких не пекут.

Самолет набрал высоту, мерно загудел, мы притихли и задремали.

Проснулись, когда уже нам кто-то кричал:

– Эй, сони, выгружаться пора! За вами машина уже подошла.

Я выглянул в иллюминатор. Самолет стоял, а к нему подъезжала наша машина, и видно было, что рядом с водителем сидит командир Петрович. На этом заканчивалась наша учеба в московской школе, мы снова были дома, у себя, в своем Приморском крае. И нам полагался месячный отпуск.

В отпуске

Сразу из аэропорта командир вместе с нашими волчатами отправил нас в отпуск, выплатив нам наши зарплаты за целый год. Мы таких денег с Сашкой вообще в руках никогда не держали. Я сначала даже растерялся, когда Петрович протянул мне такую пачку денег и сказал:

– Давай-ка в ведомости распишись, что ты их получил.

– Это всё мне?

– Ну не мне же! – воскликнул командир и засмеялся. – Это не только твои отпускные, это еще и подъемные по месту новой вашей службы-работы, так что всё не тратьте сразу, а то в Пекин полетите пустыми.

У Сашки даже затряслись руки, когда он пересчитывал такую кипу денег.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.